

И. А. ЕВСЕЕВА-ЛОБАКОВА

«Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»

(К вопросу о времени и принципах переработки текста источника)

Первый исследователь «Повести о разорении Рязани Батыем» В. Л. Комарович, упоминая о трех редакциях произведения, «пока еще не рассматривавшихся», в качестве «Особой» редакции выделил текст, зафиксированный списком конца XVII в. (БАН, 38.4.40).¹ Отметив, что «переписчик был и довольно самостоятельным редактором Повести, он не только соединил заново распространенную (основную А. — И. Е.) редакцию с компилятивной (редакцией Б₁ основной. — И. Е.), но и дополнил такой их свод целым рядом своих собственных отступлений»,² В. Л. Комарович, основываясь на «послесловии», пришел к выводу, что «переписчик работал над попавшим ему в руки списком рязанца Анненкова в 1633 году».³ Иными словами, исследователь полагал, что редактором был безымянный переписчик, и относил создание его редакции к 1633 г.

Д. С. Лихачев подошел к решению этих вопросов иначе: «Редакция стрелецкая, известная в единственном списке, представляющем копию со списка 1633 года стрелецкого головы Н. Л. Анненкова, является переработкой второго вида редакции основной Б. В ней особенно интересны постоянные соотношения с современностью и рассуждения автора по поводу „неустройства сущих властей“ и оборонительных сооружений Русского государства. . . Для датировки редакции имеет значение упоминание „нового града Смоленска“».⁴ Таким образом, для Д. С. Лихачева 1633 г. — время появления списка стрелецкого головы (т. е. автором редакции является Никита Анненков), почему редакция и получает название «Стрелецкой». Однако Д. С. Лихачев не исключил возможности, что список Анненкова — не редакция, а лишь список редакции, поэтому точной датировки не предложил, подчеркнув, что для нее важно упоминание «нового града Смоленска».

Таким образом, вопрос о времени и месте создания новой редакции остается открытым.

Действительно, несмотря на то что Плюшкинский список имеет дату — 1633 г., решить вопрос о том, относится ли эта дата к появлению списка редакции или к возникновению самой новой редакции, затруднительно. Сообщение, содержащее датировку, идет в следующем контексте: «О еже написах повесть о принесении чудотворного образа святого Николы Корсунского (а ныне нарицаем бе Зараский, от Москвы 120 верст, а от Коломны — 30. Списано у стрелецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восьмая тысяща 141 году марта 2 день), о таковых же

¹ Новый шифр: БАН, собр. Плюшкина, № 165.

² Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николке Зарайском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 72.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Повести о Николке Зараском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 273—274.

преславных чудесах и знамении, и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в божественном писании, в различных повестех много о святых иконах повествуют» (с. 369).

Нам представляется, что Плюшкинский список является точной копией своего источника — списка, сделанного в 1633 г. с принадлежавшего Никите Анненкову произведения (скопировано даже сообщение о переписке). Вероятно, в протографе Плюшкинского списка информация о времени появления копии-источника читалась на полях, а создатель Плюшкинского списка ввел ее в текст, в результате чего и возникло в рассуждении о «странствующих святынях» второе отступление («географическое» и «датирующее»).

Обратим внимание на наличие в тексте Плюшкинского списка некоторых исторических реалий, которые могли бы иметь датирующее значение. Например, в тексте содержится такая фраза: «Якоже во всей России пресловущий град великий — Псков каменный четырьмя стени огражден, да новый град Смоленск. Инии же мали быша гради — теми немцы обладаша» (с. 368).

Из исторических источников известно, что город Псков во время Ливонской войны (1558—1583) был значительно укреплен: утолщены и перестроены стены, а также завершена замена деревянных укреплений каменными вокруг четвертого — Окольного — города. Вокруг Пскова появились 4 кольца каменных укреплений: Детинец, Довмонтов город, Средний город и Окольный.⁵ «Пресловущим» же город стал традиционно именоваться после блистательной обороны против войск Стефана Батория (26 08 1581—4 02 1582). Благодаря тому что Псков выстоял, Россия вышла из Ливонской войны без территориальных потерь.

В «Повести о приходе Стефана Батория на Псков», созданной псковским изографом Василием в 90-х гг. XVI в.,⁶ также подчеркивается тот факт, что град Псков «четвероограден всекаменными стенами, многославен же в земли той и многояуден». Таким образом, упоминание Пскова, славного «во всей России» и огражденного четырьмя каменными стенами, возможно только после 1582 г.

Упоминание в списке «нового града Смоленска», видимо, следует связывать с рассуждением автора о строительстве каменных городов (т. е. и город Смоленск огражден каменной стеной). Известно, что каменный Смоленский кремль строился при Борисе Годунове мастером Федором Конем с 1595 по 1602 г.⁷ Таким образом, упоминание о «новом» каменном городе Смоленске могло бы относиться ко времени после 1602 г.

Нам кажется, что новая редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», представителем которой является Плюшкинский список, была создана в начале XVII в., во времена Смуты. В тексте повести встречаются рассуждения автора о «неустроении сущих властей», о вельможах, которые «чести ради поганския, а бога и душу свою отвергшаго яко же и ныне таковых много есть», «все то дьяволу гордость влагаючи в них, яко же и доньше», о причинах бедствий («... советом и любовью тверд бывает всяк град, а безсовестия ради, и нелюбве разоряютца . . . тако и ныне то же творится»; «Тако и ныне последнему роду — Новому Израилю беды наводит, или глад, или мор, или рать, или огонь за неустроение сущих властей»; «. . . злая творяще и неподобная, предани бываем злым и немилым»).

⁵ См.: Псков: Очерки истории. Л., 1971. С. 86.

⁶ См.: Вступ. ст. В. И. Малышева в кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на Псков. М.; Л., 1952. С. 22—24.

⁷ О Смоленском кремле писали многие историки архитектуры, историки и искусствоведы. См.: Г р а б ь И. (Э). История русского искусства. История архитектуры. До-Петровская эпоха. М., 1910. Т. 1. С. 493—508; М., 1910. Т. 2. С. 305—337; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970. С. 122—137; Рассальны и Н. И. Русская и украинская архитектура XIV—XVII столетий. Киев, 1980. Все сведения о строительстве Смоленского кремля и его зодчем Федоре Конем сведены воедино в кн.: К о с т о ч к и н В. В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

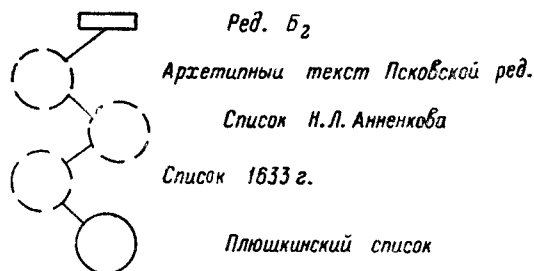
лостивым властям грех ради») и т. п. В этих публицистических «отступлениях» особенно хочется подчеркнуть рассуждения о предании за грехи «злым и немилостивым властям»⁸ и упоминание о «новом Израиле».⁹

Думается, что местом создания новой редакции Повести был, вероятнее всего, «во всей России пресловущий град великий Псков».

Такая гипотеза имеет право на существование не только потому, что в новой редакции Повести впервые появляется упоминание об этом северном городе (он упомянут дважды: как не покоренный Батыем и как славный во всей России), но и потому, что во Пскове во времена Смуты происходили события, которые придают конкретный исторический смысл рассуждениям автора о «злых и немилостивых властях». С июля 1606 г. воеводой во Пскове был Петр Никитич Шереметев. IIIJ сохранила описание многих фактов его «насильств», «претеснений» и жестокости. Так, он заставлял ремесленников «даром делати на него всякое рукоделье», послал в Москву обвинение в измене 70 человек «меньших», которые выразили недовольство новыми притеснениями, требуя их «казнить смертию», и т. п. Жестокость Шереметева особенно усилилась, когда он получил возможность лавировать между приверженностью Василию Шуйскому и признанием Лжедмитрия II: обвиняя псковичей и жителей припсковских сел то в нарушении верности Шуйскому, то в неповиновении «законному государю Дмитрию Ивановичу», он отнимал имущество «непокорных», а с недовольными его решением расправлялся. «Воеводские неправды, и грабления, и обиды» стали причиной восстания в Пскове, которое началось 1 сентября 1608 г.: «меньшие» люди отказались повиноваться приказу Шереметева — оборонять город против «Тушинского вора» (победы М. В. Скопина-Шуйского над тушинцами были причиной «патриотизма» воеводы). Посаженный в темницу восставшими псковичами, он был убит в июне 1609 г. Псков признал Лжедмитрия II государем, а с декабря 1612 г. стал прибежищем очередного авантюриста, выдававшего себя за чудесно спасенного царевича (его, кстати, и называли «Псковским вором»), после чего даже мужественная оборона Пскова в 1615 г. против шведского короля Густава-Адольфа не вернула городу былой великой славы.

Таким образом, нам кажется, что время создания новой редакции следует относить к 1606—1608 гг. (т. е. до заката былой славы Пскова и до восстания против «немилостивой власти»), а саму редакцию, созданную во Пскове, называть Псковской.¹⁰

Плюшкинский список в этом случае представляет собою уже четвертый этап существования редакции:

⁸ См.: Салмина М. А. «О причинах гибели царств» — сочинение начала XVII века // ТОДРЛ, М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332—353. Ср., например, рассуждение о вине за разорение земли: «...и те виноваты, которые властительны или начальниками бывают, егда за их злобою, и за их хотением, и гордостью, и за их неправдою всякие царства пременяются и погибают» (с. 342).

⁹ См., например, «Сказания» Авраамия Палицына и «Временник» Ивана Тимофеева.

¹⁰ Есть сведения, что Никита Анненков был стрелецким начальником в Псковской земле; в 1635 г. под его предводительством под Печорами были разбиты литовцы. См.: Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 73.

Не анализируя специально художественные особенности этой редакции, исследователи отметили влияние редакции А на текст источника Псковской редакции — редакции Б₂.¹¹ Это и «постоянные соотношения с современностью и рассуждения автора по поводу „неустройства сущих властей“ и оборонительных сооружений Русского государства», и обращение Евпраксии с речами к сыну перед самоубийством, и упоминание, что княгиня бросается с палатой церковных, и сообщение об окружении Евпатия «сенными возами».¹²

В. Л. Комарович не отмечал, в чем выразилось влияние редакции А на текст редакции Б₂. Единственным фактом такого влияния могла бы быть замена имени шурина Батыя, выехавшего на битву с Евпатием: Хоставрул вместо Таврул. Однако нельзя исключить возможности, что замена эта произошла в том списке редакции Б₂, который был положен в основу протографа Псковской редакции.

Псковская редакция практически перерабатывает текст своего источника в одном направлении: она вводит многочисленные добавления.

Добавления эти носят различный характер.

Часть из них развивает уже существовавшие в Повести темы. Так, оказалась распространенной тема мученичества рязанских князей. Как и в Хронографической редакции,¹³ в Псковской смерть князя Федора осмыслиется как смерть за веру: Батый «многих князей нарочитых и людей повеле побити. И так вси скончашася — о Христе пострадаша, и прияша венцы нетленные. И первый бысть мученик в Руси от князей». Однако мучеником оказывается не только Федор, но и все рязанское посольство — мотив, которого прежде не было.

В этом же ряду добровольного мученичества оказывается и самоубийство Евпраксии: «. . . и зарази сама себя до смерти. И так душа своя предаша господеву, мученически скончашася». Если в редакции Б₂ о гибели Олега Красного сообщается кратко: «И князь Олег Ингоревич укори царя, и нарек его безбожна и врага христианска. Окаянный же Батый дѣхну огнем от мерзкаго сердца своего, и огорчися, и вскоре повеле Олга ножи на части раздробити. Сий бо есть мученик Христов. . .», то в Псковской редакции «объясняется» причина отказа Олега: «И князь Олг Ингоревич не пожелал славы сея временныя, но небесныя славы возжелел, укори царя нечестиваго, и парек его безбожна и врага христианского. Окаянный же Батый, рыкнув, и дохнув от мерскаго сердца своего, и огорчися, яко лев, вскоре повеле Олга блаженнаго ножи раздробити, якоже древле великаго мученика Иакова Перскаго Хоздрой-царь. Сей бо. . .».

В Псковской редакции даже Евпатием движет не столько месть, не столько желание разделить судьбу рязанских князей, сколько желание принять мученический венец: Евпатий «погна напрасно вслед царя Батыя, хотя и желая пити смертную чашу — с своими государи равно пострадади, яко же и древнии мученицы противу нечестивых царей».

Тема мученичества в Псковской редакции усилена также благодаря распространению характеристик царя Батыя, образ которого уже более последовательно выдержан в традициях образа царя-мучителя. Подчеркивается и коварство Батыя («И начат резанских князей кормити, и поити, и на ловех с ними ездити, и тешити. И преже сладок им показася, послежи же горяче желчи явися»), и неведение им божественных законов. Причем автором Псковской редакции подчеркивается, что Батыем движет не только незнание божественной истины, но и нрав: «Безбожный же царь в неверии своем, не разумея божественного писания, ни страха божия не имея, но своим поганским обычаем и нравом немилостив сый к человеко-

¹¹ См.: Комарович В. Л. Литературной истории. . . С. 72.

¹² Лихачев Д. С. Повести. . . С. 273.

¹³ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI века // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 156—172.

люблю и на скверное смешение пореваем похотию плоти своея, якоже конь ревнив, и рече. . .».

Это усиленное противопоставление мучеников царю-мучителю привело также к тому, что оказывается совершенно переосмысленным диалог Федора и Батыя. Если в древнейших редакциях в нем отразились представления о праве победителя (отказ Федора признать за невоевавшим с рязанскими князьями Батием этого права — и свидетельство величия Рязанского княжества, и причина ярости Батыя, в могуществе которого усомнились), то в Псковской редакции Федор главным образом рассуждает о богословской стороне вопроса: «Царю! Писано бо есть в законе нашем христианском: не завидети, не похотети чюждему, не желати. И недостойно есть нам, христианом, не токмо тебе, нечестивому царю, ниже своим верным давати жен своих. . . кроме своего мужа — той да обладает ею по закону. И не буди мне сего сотворите никакоже, еже приступити закон божий. Разве той един создатель и творец наш грех ради предаст нас тебе». Иначе говоря, только потому, что Федор — христианин, он не может выполнить требования Батыя, а не потому, что это требование оскорбительно.

Как и в других редакциях XVII в., в Псковской редакции произошла замена многих повествовательных описаний монологами (происходит вторичная «драматизация» текста, которая, как отмечает Н. С. Демкова на другом материале, является общим принципом повествовательной литературы XVII в.).¹⁴ Но и в монологах этих главной оказывается все та же тема мученичества или рассуждения о христианских добродетелях. Так, в Псковскую редакцию был введен плач Апоницы (он назван Опаницей): «О драгий мой господине княже! Как вскоре отшел еси света сего, и оставил княжение, и власть, и княгину, и дети своя! Не повинуся безбожному царю, ни воли его влася. Но вождедел еси пострадати за отчество свое, и за вся люди своя, якоже ин никто же». Плач этот своим источником имеет «Житие Михаила Тверского», но если в Житии слова, обращенные к Михаилу, логически точны (он поехал в Орду, стремясь предотвратить поятие татар в Твери и гибель людей, догадываясь о смерти, своей головой «выкупая» княжество), то в плаче Апоницы объяснение смерти Федора желанием «пострадати за отчество свое, и за вся люди своя» ничем не мотивировано.

Появление монолога Евпраксии привело не только к оживлению повествования, но и к новому объяснению самоубийства княгини. В редакции Б₂ (как в редакциях А и Б₁) Евпраксия слышит весть о смерти мужа и — не в силах пережить «смертоносныя глаголы» — гибнет. В Псковской редакции мотивировка другая: «О милое мое и драгое чадо, княже Иванне! Прииде на ны от бога наказание грех ради наших: посла на нас поганых сих измаильтян. И хотят нас до конца разорити и пленити. И мужа моего государя, а твоего отца, убиша. Еще же и мене хочет безбожный царь осквернити, а тебе поработити и в безсерменскую веру научити. И лутче нам смерть прияти с тобою, нежели нам в руках поганых сих поруганым быти». Самоубийство Евпраксии в Псковской редакции — не порыв отчаяния, а логически взвешенный поступок: разорение и пленение Рязанской земли за грехи, возможный позор и страх за сына, боязнь отступить от христианства — вот те причины, которые толкнули княгиню на самоубийство.

Часть внесенных создателем Псковской редакции в текст своего источника добавлений является свидетельством непонимания уже в начале XVII в. старых поэтических средств. Так, в словах пяти взятых в плен дружинников Евпатия оказывается разрушенным старый образ смерти-

¹⁴ См.: Демкова Н. С. Принципы сюжетной организации текста в повествовательной литературе XVII века // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1984. С. 34—35.

хмеля на пиру. В редакции Б₂ читаем: «Присланы есмь от князя Ингоря Ингоревича тебя, силнаго царя, почтити, и честно попроводити, хотя тебе честь воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чашю на толику силу и великую рать тотарскую». Старшие редакции сохранили образ, использованный в свое время автором «Слова о полку Игореве»: «Сватов попоиша, и сами полегоша за землю Рускую», который был связан с другим (ключевым) образом Повести — образом «смертной чаши». В Псковской редакции данный фрагмент принял вид: «Присланы есме от князя Ингоря Ингоревича Резанского, брата князя Юрьева, тебе сильнаго царя почтити, и честно проводитьи. Сице тебе повеле честь воздати. И ты о сем не дивиси, царю, что нас наш государь-князь упоил питием хмельным на толику силу и великую рать татарскую. И мы елико осмыслили — так и сотворихом». Собственно говоря, последняя фраза вполне может быть отнесена к создателям редакций XVII в.

Привнесенные в Псковскую редакцию добавления к словам сановников Батыя: «Сии бо люди крилати и бесмертни суть» — превратили яркую метафору в объясненное сравнение: «Сии бо люди, аки львы сердцем, и легцы, яко птицы крилати, пролетающе и пресецающе полки наша. Не убояшеси смерти, не устрашишася такового нашего великаго воинства».

Целый ряд сравнений Евпатия с Самсоном, Александром Македонским, коdesом был включен в слова Батыя, обращенные к мертвому Евпатию. Причем в последнем сравнении (с колесом) делается попытка объяснить прозвище рязанского воеводы — Коловрат — в традициях народной этимологии.

Однако наиболее яркими и характерными именно для Псковской редакции стали добавления, имеющие вид исторического и публицистического комментария.

В качестве примера такого исторического комментария можно рассматривать следующее добавление. Рязанские князья посылают за помощью «к великому князю Юрью Всеволодовичу Владимирскому (брату же его Ярославу тогда сущу в Великом Новеграде князю)»: «Батыевой бо силе велице и тяжце сущи, аще бы и вся земля Руская, собравшися, стала с своими князи, едва толико собралися быша. Рязанская же земля — малая часть сущи Руския земли, како может стати противу оных множества?».

Необходимо отметить, что часто исторический комментарий приобретает дидактическую функцию: это происходит тогда, когда исторические параллели вводятся в текст Псковской редакции для подтверждения рассуждений автора о раздорах в Русской земле и причинах этих раздоров. Так, отказ Юрия Владимирского помочь рязанским князьям поясняется следующим образом: «Князь же великий Юрьи Владимирский по дьяволу действу — яко же от века той вражду творя во всех человецех, и нелюбовь и зависть вложи (бяху бо во вражде меж собою о власти с Киевским и с Рязанским), и не послуша. . .». Причем в данном случае приведенное историческое пояснение является ошибочным: с 1212 г. — после того как Юрий Всеволодович вернул свободу Юрию Рязанскому, захваченному в 1207 г. Всеволодом Юрьевичем, — Рязань поддерживала добрые отношения со своими соседями; с Киевом интересы Юрия Всеволодовича также не пересекались. Как и всякое «вторичное историческое» уточнение, это уточнение неточно. Последовательно проводится в Псковской редакции мысль о вине русских князей перед Русью: «Все то дьяволу гордость влагающе в них, яко же и доньше. Не пред многими бо леты преж сего пришествия поганых бишася братия — великие князи — между собою о власти, и много крови пролияша. Мню — того ради богу попустившу того ради на них поганых. Брани же тогда от бога и гневу посланому на православныя христиане, на всю Рускую землю» — т. е. в редакции в качестве причины Батыева нашествия указывается битва на реке Липице в 1216 г. (что, возможно, является отражением представлений, выраженных в Про-

странном цикле о нашествии Батыя на Русскую землю, который читается в составе Хронографа 1599 г. и Русском временнике).¹⁵

Публицистический комментарий пронизывает все повествование о разорении Рязанской земли: все грехи прошлого повторяются во времена создания Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем». В рассказе о гибели Рязани это выражено словами: «яко же и доныне», «яко же последи и бысть»; о воеводе, который поведал Батыю о красоте Евпраксии, например, говорится: «. . . прелестник и отвержник веры христианския, и басурманскую веру возлюбив чести ради поганския, а бога и душу свою отвергшаго (яко же и доныне таковых много есть) обольсти, и сказа. . .».

Однако с наибольшей отчетливостью публицистические идеи выражены в завершающих текст редакции отступлениях о городах Русской земли и о «злых властях мздоимных и неправду творящих» (с привлечением рассказа о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского патерика) и о странствующих святынях. Заменявшие собой похвалу роду рязанских князей эти отступления существенны для понимания главной идеи, которой руководствовался создатель Псковской редакции. Для него «Повесть о разорении Рязани Батыем» — лишь дополнительный эпизод в рассказе о странствии образа Николы из Корсуна в Рязань: «О еже написях сию повесть о принесении чудотворнаго образа святаго Николы Корсунскаго . . . о таковых же преславных чудесах и знамении, и приходе от места на место . . . много . . . повествуют». Таким образом, Повесть стала сюжетным элементом в Сказании об иконе, которое в свою очередь ставится в один ряд с чудесами во Влахерне, с явлением иконы Тихвинской Божьей матери (но о главном ее чуде — спасении от шведов в 1613 г. Новгородской земли — ничего не говорится, что, как представляется, может служить еще одним доказательством в пользу предложенной датировки — до 1613 г.). Состав сборника, содержащего Плюшкинский список Псковской редакции «Повести о разорении Рязани Батыем», подтверждает такое понимание произведения. В сборник «цветникового типа» включены произведения, повествующие о чудесах от икон: «О знамении от иконы Богородицы во Пскове», «Повесть о Печерском монастыре», «Повесть о Святогорском монастыре, еже во области Псковской», «Повесть о явлении иконы на Камене-озере во области Псковской», сказания о Смоленской, Казанской, Тобольской иконах Богоматери, выписки из патерика, «Сказание о избавлении града Пскова от пленения Литовскаго краля Батура», «Об избавлении Богородицей Руси от Ахмата» (рассказ о стоянии на реке Угре Ивана III, изложенный в соответствии с заглавием), «Сказание о перенесении Николина образа» (которое идет в начале сборника как самостоятельное повествование), «Повесть о посаднике Щиле», Жития Дионисия-архимандрита, Никодима Кожеозерского и др. Вполне возможно, что в некоторых частях Плюшкинский сборник повторял текст своего протографа (т. е. переписанной оказалась не только Повесть, но и ряд других произведений), что могло бы усилить высказанное предположение о Пскове как о месте создания новой редакции. Однако пока нет фактов, которые могли бы либо подтвердить, либо опровергнуть мысль о том, что состав сборника, в котором был архетипный текст Псковской редакции, в каких-то своих частях совпадал с Плюшкинским.

Итак, Псковская редакция «Повести о разорении Рязани Батыем», созданная, по нашим представлениям, в 1606—1608 гг., является интересным образцом посадской культуры: она свидетельствует о большой начитанности ее создателя и в четвѣй литературе («История Иудейской

¹⁵ См.: Евсева И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 года // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 4, № 20. С. 50—55.

войны» Иосифа Флавия, «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Темир-Аксаке», «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков», Киево-Печерский патерик, Хронограф, «Повесть о взятии Царьграда турками», «Александрия» — два последних произведения входили в состав Хронографа), и в церковной (наряду с текстами Священного писания, на которые ссылается создатель Псковской редакции, есть заимствования из «Жития Михаила Тверского» и «Жития Иакова Перского»). Кроме того, она, бесспорно, связана с традицией публицистической литературы конца XVI — начала XVII в.: в ней присутствует ярко декларированная авторская позиция, что позволяет говорить об использовании старого исторического сюжета в публицистических целях.